

Карнаухов Дмитрий Владимирович

Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения «Новосибирского государственного педагогического университета», dvkarn@mail.ru, Новосибирск

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ПОЛЬШИ: ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ СТЕРЕОТИПОВ¹*

Аннотация. В статье рассматривается роль исторического образования Польши в качестве важного канала трансляции представлений об истории России, на примере представлений польских историков об истории средневековой Руси рассматривается формирование стереотипов восприятия русской исторической тематики в Польше, а также определяется значение польской историографии для формирования исторического образа России в европейских странах.

Ключевые слова: историческое образование; культурно-историческая идентичность; Польша; история России; стереотипы восприятия истории.

Karnaikov Dmitriy Vladimirovich

Dr Sc., Professor of the Department of World History, Historiography and Source Study at the «Novosibirsk State Pedagogical University», dvkarn@mail.ru, Novosibirsk.

MEDIEVAL RUS' IN HISTORICAL EDUCATION OF POLAND: SOURCES OF STEREOTYPES UPRISING

Abstract. The article considers the role of history education in Poland as an important channel broadcasting of shows about the history of Russia, by the example of Polish historians views on the history of medieval Rus' regards the stereotypes uprising of the Russian history issues in Poland, and also determines the value of Polish historiography for the formation of a historical image of Russia in the European countries

Keywords. History education, cultural and historical identity, Poland, History of Russia; stereotypes of history.

Важнейшим каналом распространения знаний о прошлом является историческое образование. Школа и профильные исторические факультеты вузов готовят просвещенные элиты к заданному сложившейся в обществе системой ценностей шаблонному, клишированному восприятию истории, закрепляют в массовом общественном сознании образы и стереотипы, из которых складывается историческая картина мира. Задачей чрезвычайной важности для понимания национальной культуры является расшифровка «исторического кода», определяющего отношения ее носителей к важнейшим проблемам формирования культурно-исторической идентичности. При решении

этой задачи в качестве предмета исследования может быть интересна не только трансляция через историческое образование представлений того или иного сообщества о «своей» истории, но и система взглядов на «чужую» историю, примером чего является исторический образ Руси / России как элемент картины мира других народов.

Зарубежные оценки и интерпретации как правило существенно расходятся с восприятием русской истории в нашей стране. Данные различия во взглядах обусловлены рядом причин. С одной стороны, иностранцам были чужды «патриотические» соображения – в их рефлексии преобладал прагматизм, а также конъюнктурность восприятия

¹ Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического развития ФГБОУ ВПО НГПУ на 2012 – 2016 гг.

исторических событий, в той или иной степени обусловленная влиянием актуальных отношений представляемых ими стран с Россией. С другой стороны, не следует забывать и о том, что зарубежные историки, обращавшиеся к изучению российской истории, нередко были носителями принципиально иных цивилизационных ценностей, иных традиций и подходов к интеллектуальной деятельности.

В этой связи важно выявить особенности и закономерности формирования «внешнего» образа русской истории, который глубоко укоренился в качестве элемента общественного сознания, а также благодаря историческому образованию транслируется от поколения к поколению. Мы проведем работу по выявлению стереотипов восприятия русской истории на примере взглядов и суждений польских интеллектуалов, сформировавшихся на рубеже эпох Средневековья и Ренессанса.

В числе создателей концепции истории средневековой Руси, чьи идеи до сих пор являются ориентиром для исторического образования Польши, следует выделить выдающихся представителей средневековой и ренессансной историографии, авторов ученых трактатов и исторических хроник Яна Длугоша [3], Матвея Меховия [10], Мартина Кромера [3; 4; 5], Марчина Бельского [1; 2], Мачея Стрыйковского [11], а также натурализовавшегося в Польше итальянца Александра Гваньини [7; 8]. Роль представителей ученого сообщества других стран была невелика – здесь следует отметить публикацию «Записок о московитских делах» немецкого дипломата Сигизмунда Герберштейна, ученого трактата содержавшего обстоятельный очерк истории русских земель, написанный на основе материалов собранных в Московском государстве [9].

Основной причиной формирования интереса к прошлому русских земель со стороны польской историографии были внешнеполитические амбиции польского правящего класса и интенсивность военно-политических и культурных контактов Польши и Руси. При создании концепций русской истории определяющую роль сыграло также использование польскими интеллектуалами в качестве исторических источников русских летописей, как правило недоступных ученым других стран.

В польских произведениях, освещавших историю средневековой Руси, затрагивались вопросы происхождения восточных славян, зарождения и эволюции русской государственности, истории христианизации, а также освещались взаимоотношения русских (восточнославянских) княжеств с соседними государствами и народами.

Особый интерес представляют этнонимические и этногенетические гипотезы и концепции. Эти представления во многом были обусловлены актуальной ситуацией в Восточной Европе, сложившейся в период их создания, прежде всего особенностями этнополитической дифференциации некогда единой «русской земли». В результате, в рамках этнонимических концепций восточные славяне были разделены на два политических народа «руссос» и «московитов», названия которых сопрягались с наименованиями прославленных народов древности. Этноним «руссос», согласно гипотезе выдвинутой польскими историками второй половины XVI в. (Кромер, Бельский, Стрыйковский), производился от имени сарматского племени роксолан [3, р. 17;], а этноним «московиты» либо от имени древнего народа мосхов/мосхинов/модоков [7, р. 10; 8, f. 47v], либо связывался с ветхозаветным Мосохом [11, s. 102].

Оба варианта объяснения номинации восточных славян были тесно связаны с этногенетическими концепциями, в числе которых наибольшее распространение получили «сарматская» и «мосохова» гипотезы. «Сарматская» гипотеза связывала народ руссов и произошедших от них славян через посредничество племени роксолан с ветхозаветным Асармотом / Сарматой, что позволяло включить славянские народы в библейскую генеалогию, связать их с родом ветхозаветного Сима [Там же. S. 91]. «Мосохова» гипотеза представляла прародителем всех славян эпонима московитов внука Ноя Мосоха [Там же. S. 90]. Таким образом «русский» и «московский» народы включались в разные генеалогии, что усиливало политически ангажированный тезис их «инородности» друг другу, востребованный в эпоху военного противостояния Московского государства и Речи Посполитой, их борьбы за русские земли, прямо противоречивший факту эмпирически осязаемой этнокультурной близости

этих двух восточнославянских этнополитических общностей.

Наряду с концепциями этнокультурной истории широкое распространение в ученых трудах позднего Средневековья и эпохи Возрождения получили также идеологически ангажированные концепции политической истории русских земель, позволявшие понять причины возвышения и упадка некогда могущественной Киевской державы, а также разобраться в структуре организации политической власти возникших после ее распада удельных русских княжеств. Исторический образ восточнославянской государственности был четко разделен на «русский» и «московский» сегменты.

«Русский» сегмент включал авторские интерпретации заимствованных из летописных памятников известий о наиболее важных политических достижениях, относившихся к эпохе существования единой Киевской державы, а также унаследовавших ее политические традиции удельных княжеств. Дискриминационное «клише» восприятия политических традиций Руси было создано Длугошем, который пытался доказать польское происхождение киевской государственности [6, p. 40], а в дальнейшем всячески подчеркивал неспособность русских к самостоятельному управлению государством, чем оправдывал экспансию Польши на Русь [Там же. P. 47, 287, 394, etc]. Русские князья при этом изображались как слабые правители и наделялись преимущественно негативными характеристиками.

«Московский» сегмент польского историографического образа восточнославянской государственности предполагал осмысление принципиально иной модели политической организации, консолидировавшей восточных славян вокруг нового мощного центра. Следует отметить неоднозначность исторического образа Московии в европейской историографии. С одной стороны, Московское государство характеризовалась как некое политическое «новообразование», не связанное с традициями русской государственности. Такой подход был характерен главным образом для Длугоша и иных антимосковски настроенных польских историков [3, p. 14-15; 4, p. 9]. С другой стороны, под влиянием трактата Герберштейна, широкое распространение получила альтернатив-

ная трактовка московской истории, которая нашла отражение в хрониках Бельского [2, L. 426-430] и Стрыйковского [11, s. 419], рассматривавших московское государство в качестве преемника и продолжателя многовековых политических традиций восточнославянской государственности и прежде всего Киевской Руси.

Неоднозначны были и оценки польскими авторами важнейшего культурного события в истории Руси – принятия Киевской державой христианского вероучения при посредничестве Византии. Интерес ученых Старого Света к данному вопросу объясняется особой ролью христианской культурной традиции для интеллектуальной культуры средневековой и ренессансной Европы, а также конфессиональной самобытностью восточных славян, обусловленной принятием христианства по греческому образцу. В связи с этим свидетельства о посредничестве греков в крещении Руси позволяли объяснить причины культурно-религиозной дифференциации христианских народов Восточной Европы, а также указывали на связь русской религиозной традиции с цивилизационным наследием Византии.

Данный сюжет позволял каждому автору выразить свое отношение к христианской традиции. Длугош оценивает крещение Руси с позиции христианского космополитизма, трактует принятие русскими от греков вероучения как прогрессивное событие, позволившее избавить Русь от язычества [6, p. 105-108]. Кроме в большей степени склонен оценивать его с прокатолических позиций и сожалеет о недостаточном внимании к русским землям со стороны миссионеров с Запада, которое этот автор считает причиной их потери для «латинской» церкви [5, p. 31]. Стрыйковский, который не был ангажирован идеологией католицизма, придерживается более широкого взгляда на вопрос христианизации Руси: он солидаризуется с позицией своего источника – русской летописи, при этом не только подробно пересказывает факты, но и передает идеологические акценты характерные для православных книжников [11, s. 87, 139-141, 271-272].

Пожалуй, наибольшим интересом пользовались донесения польских историков о международных связях русских земель, по понятным причинам повышенное внимание

ими уделялось польско-русским отношениям. Представленные на страницах польских исторических сочинений концепции международных отношений в Восточной Европе напрямую отражали внешнеполитические цели и задачи польских правящих элит, были призваны исторически обосновать политическое господство польского государства и союзной ему Литвы на западных русских землях, а также убедить европейцев в важности внешнеполитической миссии Польши на востоке Европы.

Основопологающие принципы отношений Польши и Руси были изложены в хронике Длугоша, которая представляла собой сконструированную в «полоноцентристском» ключе комбинацию тенденциозно подобранных реляций о действительно имевших место событиях с авторским вымыслом, в результате чего была создана мифологема позволившая *post factum* обеспечить исторической легитимностью польскую экспансию на русские земли.

В своей концепции Длугош сводит содержание достаточно противоречивых польско-русских отношений лишь к одной тенденции: доминированию Польши. Такой эффект был достигнут благодаря ярким художественным рассказам об осуществлявшихся на протяжении четырех столетий успешных военно-политических акциях польской монархии, направленных на завоевание политического господства на русских землях, в которых прежде всего были акцентированы победоносные «русские» войны польских королей и князей. «Польская» политика русских князей, напротив, изображалась Длугошем лишь как череда преимущественно неудачных попыток освободиться от «польского ига». Правители Руси при этом четко разделялись в его сочинении на лояльных польской монархии князей и «бунтовщиков». Историк выделяет знаковые событийные вехи, призванные подтвердить вышеупомянутую тенденцию развития польско-русских отношений («русские» походы Болеслава I, Болеслава II, Казимира II и Казимира III, противостояние Польши политике Венгрии и Литвы, оспаривавших ее право на владение русскими землями), а также подчеркнуто предвзято оценивает деятельность польских и русских исторических деятелей, сыгравших наиболее важную роль

в истории двусторонних отношений (характерны примеры «героизации» польского короля Болеслава Храброго [6, р. 142-158; 156-158] и «демонизации» русского князя Романа Галицкого [Там же. Р. 532-535]).

В качестве кульминационного события в истории польско-русского противостояния Длугош характеризует «русскую» войну короля Казимира III, в результате которой земли Червонной Руси были включены в состав польского государства, а в дальнейшем осуществлено размежевание сфер влияния Польши и Литвы на славянском востоке, юридически оформленное в 1385 г. после заключения династической унии этих двух государств, «навечно» закрепившей русские провинции за династией Ягеллонов.

Концепция польско-русских отношений Длугоша не была пересмотрена его последователями: они сохранили приверженность не только ее содержательному наполнению, но и важнейшим идеологическим акцентам. Функциональность данной мифологизированной концепции трудно переоценить: в результате ее популяризации в трудах историков XVI в. в историческом сознании не только польских, но и европейских элит на многие столетия закрепился стереотип необратимости подчинения русских земель Польше, что способствовало развитию комплекса превосходства польских политических и культурных ценностей, обернувшегося в свою очередь принижением роли цивилизационного потенциала восточного славянства.

На страницах польских исторических сочинений также освещались принципы «русской» политики Великого княжества Литовского, главного союзника Польского королевства. Данная проблематика приобрела особую актуальность в связи с трансформацией польско-литовского союза в 1569 г. в «Речь Посполитую двух народов», укрепление внутреннего единства которой во многом зависело от успешного решения задачи конструирования новой исторической идеологии в равной степени учитывавшей интересы обоих субъектов объединенного государства. Созданная в XV в. усилиями Длугоша «полоноцентристская» историческая концепция была неприемлема для литовско-русских элит Речи Посполитой из-за своей антилитовской направленности.

Альтернативная «литуаноцентристская» концепция была создана главным образом усилиями Стрыйковского и Гваньини. Благодаря ей Великое княжество Литовское было выведено на историческую арену в качестве равноправного партнера Польского королевства, а его право на владение русскими землями получило мощное историческое обоснование.

В отличие от Длугоша, для которого вопрос отношений Литвы и Руси был периферийен, Стрыйковский подробно описывает их историю с момента зарождения литовской государственности до эпохи раздела западных русских земель между Литвой и Польшей и их объединения под властью Ягеллонов. При этом выделяется три этапа в развитии литовско-русских отношений: первый этап характеризуется зависимостью Литвы от Руси [11, с. 238-240]; на втором этапе литовские князья представляются как защитники русских земель от татарского нашествия, что названо главной причиной территориального расширения Великого княжества Литовского за счет Руси [Там же. С. 269-270, 281]; третий этап Стрыйковский связывает с неудачными попытками восстановления суверенитета русских княжеств, которые обернулись окончательным установлением власти Литвы над Русью в результате захвата Киева Гедимином [Там же. С. 392-396].

Внимание польских историков также привлекли взаимоотношения Литвы с сохранившимися независимыми русскими княжествами, которые располагались на ее восточных границах и находились в сфере политических интересов литовских князей: Москвой, Псковом, Новгородом и Смоленском. Интерес к этому вопросу в Польше был обусловлен сближением внешнеполитических программ литовского и польского государств после заключения династической унии в 1385 г. В польских исторических сочинениях были подробно освещены важнейшие акции литовского князя Витольда (Витовта) – присоединение к Литве Смоленска [Там же. С. 504-506; 3, р. 354; 7, f. 14, 17v], войны с московским князем Василием Дмитриевичем [Там же. С. 505-506, 516-517] и походы против «вольных городов» Пскова и Новгорода [3, р. 631; Там же.

С. 544-545], проводившиеся при военно-политической поддержке Польши – а также конфликты польско-литовского союза и московского государства на рубеже XV и XVI вв. [10, р. CCCLI, CCCLX; 3, р. 639-641; 2, L. 428v; 11, s. 668-691]

Таким образом поиск исторических аргументов с целью обоснования актуальных внешнеполитических задач был важным элементом пропагандистской работы, в которой вольно или невольно принимали участие авторы исторических сочинений, направленной на оправдание и обоснование экспансии польско-литовского государства на русские земли и связанной с нею военно-политической конфронтацией с Московским государством не только в глазах элит собственной страны, но и европейской просвещенной публики.

Сочинения польских историков получили широкое распространение в европейских странах благодаря использованию потенциала печатной книги и латинского языка как языка международной коммуникации европейских интеллектуалов. Так, именно на латыни впервые были опубликованы труды польских ученых XVI в. содержавшие сведения об истории средневековой Руси – Меховия, Кромера и Гваньини. Это дало возможность в дальнейшем переводить эти сочинения на немецкий и итальянский языки. Также следует отметить расширение географических рамок распространения польских исторических книг, содержавших сведения об истории русских земель, благодаря их публикациям в ведущих типографиях Швейцарии, Германии, Италии и Австрии. Польскоязычные исторические книги не переводились на европейские языки и поэтому получили распространение преимущественно в странах Центральной и Восточной Европы.

Благодаря научной и издательской активности польских авторов, в странах Европы была воспринята во многом предвзятая «польская» точка зрения на историю Руси и ее взаимоотношения с другими странами и народами, что стало одной из причин формирования преимущественно негативного образа России в европейской историографии Нового времени.

Библиографический список

1. *Bielski M. Kronika wszytkego świata na sześć wieków, Monarchie cztery rozdzielona* [...]. – Kraków, 1551. – [31], 295, [1] l.
2. *Bielski M. Kronika, to jest Historyja świata na sześć wieków i na cztery Monarchie rozdzielona* [...]. – Kraków: Druk. u Mattheusza Siebeneychera, 1564. – [6], 467, [8] l.
3. *Cromer M. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX* [...]. – Basileae: Officina Joannes Oporini, 1555. – [8], 702, [40] p.
4. *Cromer M. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Tertium ab authore diligenter recogniti* [...]. – Basiliae: Officina Oporiniana, 1568. – [12], 468, [64] p.
5. *Cromer M. Polonia, sive de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX* [...]. – Coloniae Agrippinae: Officina Birchmannica, 1589. – 478 p.
6. *Długoss J. Historia Polonica* [...]. – Dobromili, 1615. – [36], 599 p.
7. *Gwagnini A. Magni Ducatus Lituaniae cum suis ducibus, provinciis, palatinatibus, civitatibus et castris praecipuis, morumque gentis, originis, religionis antiquae compendiosa descriptio*. – Cracoviae: Typis Matthiae Wirzbiętae, [1578]. – 33 f.
8. *Gwagnini A. Omnium Regionum Moschoviae Monarchae subjectarum, Tartarorumque campestrium arcium civitatum praecipuarum, illarum denique gentis, religionis et consuetudinis vitae sufficiens et vera descriptio*. [...] – Cracovia: Typis Matthiae Wirzbiętae, [1578]. – 47 f.
9. *Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarij* [...]. – Basileae: Officina Joannes Oporini, 1551. – 157 p.
10. *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum*. – Cracoviae, per Hieronymum Vietorem, [1521]. – [24], CCCLXIX p.
11. *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiey Rusi* [...]. – Królewiec: Druk. u Gerzego Ostenbergera, 1582. – 762 s.